

Литрес ≡ Классика

Михаил Булгаков

БЕГ

Михаил Афанасьевич Булгаков

Бег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134435

Аннотация

Разгром белой армии в Крыму, 1920 год. По воле истории и собственного выбора персонажи – генерал, архиепископ, приват-доцент и бывшая петербургская дама – покидают Россию и пускаются в скитания по Константинополю и Парижу. Перед нами трагикомическая фантасмагория, сотканная из снов, ностальгии и абсурда эмигрантской жизни, где каждый мучительно ищет опору – кто в карточной игре, кто в любви, кто в вере, – но неизменно слышит зов потерянной родины.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	7
Сон первый	8
Сон второй	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Булгаков

Бег

Пьеса в четырех действиях

*Бессмертье – тихий, светлый брег;
Наш путь – к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!..*

Жуковский

Действующие лица

Серафима Владимировна Корзухина – молодая петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков – сын профессора-идеалиста из Петербурга.

Африкан – архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же химик **Махров**.

Паисий – монах.

Дряхлый игумен.

Баев – командир полка в Конармии Буденного.

Буденовец.

Григорий Лукьянович Чарнота – запорожец по проис-

хождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Барабанчикова – дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська – походная жена генерала Чарноты.

Крапилин – вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

де Бризар – командир гусарского полка у белых.

Роман Валерьянович Хлудов.

Голован – есаул, адъютант Хлудова.

Комендант станции.

Начальник станции.

Николаевна – жена начальника станции.

Олька – дочь начальника станции, 4-х лет.

Парамон Ильич Корзухин – муж Серафимы.

Тихий – начальник контрразведки.

Скунский, Гурин – служащие в контрразведке.

Белый Главнокомандующий.

Личико в кассе.

Артур Артурович – тараканий царь.

Фигура в котелке и в интендантских погонах

Турчанка, любящая мать.

Проститутка-красавица.

Грек-донжуан.

Антуан Грищенко – лакей Корзухина.

Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки Белого главнокомандующего, контр-разведчики,

казаки в бурках, английские, французские и итальянские моряки, турецкие и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в окнах, толпа в Константинополе.

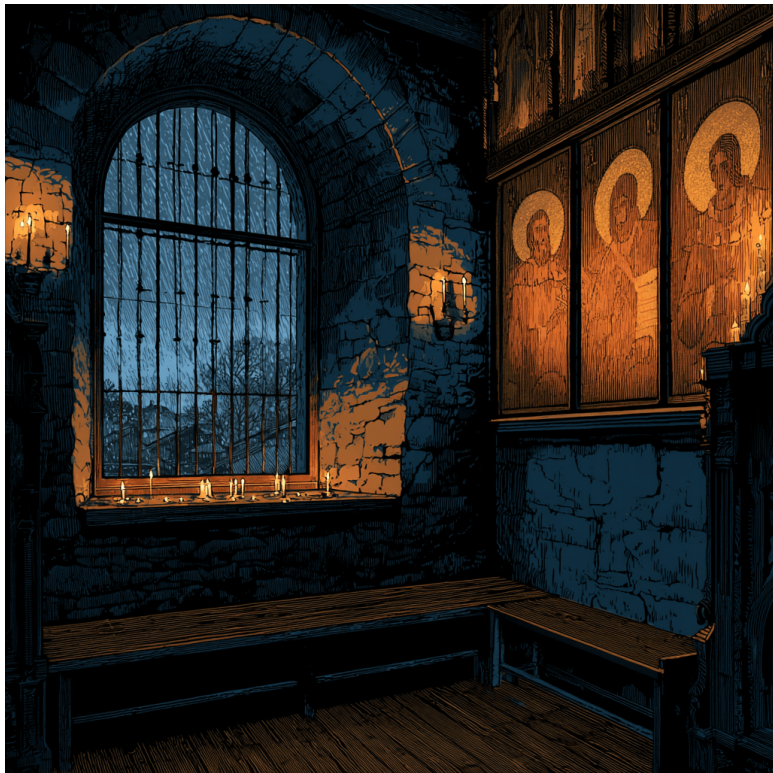
Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй, третий и четвертый – в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой – в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой – в Париже осенью 1921 года.

Восьмой – осенью 1921 года в Константинополе.

Действие первое

Сон первый

Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

*Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит **Барабанчикова**. Химик **Махров**, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть... В высоком игуменском кресле сидит **Серафима**, в черной шубе.*

Судя по лицу, Серафиме нездоровится.

*У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом, – **Голубков**, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.*

Голубков (прислушиваясь к пению). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уже

месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится крутом... Видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-Богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете...

Серафима. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Голубков. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(Погладив ее руку.) Позвольте, да у вас жар?

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. То есть как пустяки? Жар, ей-Богу, жар!

Серафима. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и протонала.

Послушайте, madame, вам нельзя оставаться без помощи.

Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Голубков. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

Серафима. Почему же вы не хотите, голубушка?

Барабанчикова (*капризно*). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

Махров (*тихо, Голубкову*). Загадочная и весьма загадочная особа!

Голубков (*шепотом*). Вы думаете, что...

Махров. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого ни встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

Паисий (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Документики, документики приготовьте, господа честные! (*Задует все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Баев (*входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым – Буденовец с фонарем*). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Паисий. Здесь, здесь, здесь...

Баев (*Буденовцу*). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

Паисий. Что вы, что вы! Какой огонь?

Баев. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

Паисий. Господи! Что вы?

Баев. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

Паисий. Беженцы они, бе...

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. *(Указывает на Барабанчикову.)* Вот женщина, у нее роды начинаются...

Баев *(подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает).* Барабанчикова, замужняя...

Паисий *(сатаня от ужаса, шепчет).* Господи, Господи, только это пронеси! *(Готов убежать.)* Святой славный великомученик Димитрий...

Баев. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Баев. Нашла время, место рожать! *(Махрову.)* Документ!

Махров. Вот документик! Я – химик из Мариуполя.

Баев. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Баев. Огурчики!

Буденовец *(появляется внезапно).* Товарищ Баев! На ко-

локольные ничего не обнаружил, а вот что... (*Шепчет на ухо Баеву.*)

Баев. Да что ты! Откуда?

Буденовец. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Баев. Ну ладно, ладно, пошли. (*Голубкову, который протягивает свой документ.*) Некогда, некогда, после. (*Паисию.*) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет, нет...

Баев. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (*Уходит вместе с Буденовцем.*)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было. Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

Махров. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Голубков (*шепотом, Серафиме*). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Барабанчикова. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков – задница, а не генерал! (*Серафиме.*) Пардон, мадам.

Голубков (*машинально*). Ну?

Барабанчикова. Ну что – ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Малый в червах объявил.

Махров (*тихо*). Ого-го, до чего интересная особа!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты...

Барабанчикова. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Голубков. А куда же он удалился?

Барабанчикова. Совершенно определенно – в болото.

Махров. А откуда вам все это известно, мадам?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

Махров. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Барабанчикова. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.

Голубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще Господь послал и будем ли мы живы к ночи! (*Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.*)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

Серафима. Пожар?

Голубков. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава Богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Барабанчикова (*садится, кутаясь в попону*). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (*Голубкову.*) Какие штаны на них?

Голубков. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Барабанчикова. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое! Не может быть? Его голос! (*Голубкову.*) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (*Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Черно-ты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонами. Ре-вольвер, который у него был в руках, засовывает в карман,*

подбегает к окну, распахивает его, кричит.) Здравствуйте, гусары! Здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

*Дверь открывается, и первой вбегает **Люська** в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней – обросший бородой **де Бризар** и вестовой **Крапилин** с факелом.*

Люська. Гриша! Гри-Гри! *(Бросается на шею Чарноте.)* Не верю глазам! Живой? Спасся? *(Кричит в окно.)* Гусары, слушайте, генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Люська. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Чарнота. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и на тебе – пулеметы! Буденный – на тебе, с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабьи, женины – мадам Барабанчикова, и удостоверение – беременная! Крутом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами – шлеп, шлеп!..

Люська. Кто?

Чарнота. Командир-буденовец.

Люська. Ах!

Чарнота. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь

твоя смерть лежит под попоной! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарной.

де Бризар. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! *(Махрову.)* Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

Паисий *(влетает).* Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(Всматривается в лицо Махрова.) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

Африкан. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документами.

де Бризар. Черт знает что такое! *(Серафиме.)* Женщина, документ!

Серафима. Я жена товарища министра торговли. Я за-

стряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

де Бризар. *Mille excuses, madame!*¹ А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Голубков. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

де Бризар. Очень приятно. Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый Игумен, а за ним – хор монахов со свечами.

Игумен (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам.*) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облачают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

Африкан. Воззри с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи (*внезапно запели*). Εἰς πολλὰ ἔτη δεῖ ἕλота!²
В дверях вырастает Чарнота, с ним – Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли?

¹ Тысяча извинений, мадам! (*франц.*)

² Греческая молитва. «На все века, владыка!»

Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. *(Показывает жестом – «уходите».)*

Африкан. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Чарнота *(Африкану)*. Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

Африкан. Всеблагий Господи, что же это? *(Схватывает свой тулуп.)* Двуколки с вами-то есть? *(Исчезает.)*

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! *(Смотрит на карту.)* Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Чарнота. Стой! Щель нашел! *(Де Бризару.)* Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

де Бризар. Слушаю, ваше превосходительство.

Чарнота. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Голубков. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Люська. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Голубков (*Чарноте*). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университете учились?

Голубков. Конечно, да...

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Люська. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется.

Голубков. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

Серафима (*глухо*). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Голубков. Боже мой! Серафима Владимировна, это невысказанно! Серафима Владимировна, подымайтесь!

Серафима. Я хочу пить... и в Петербург...

Голубков. Что же это такое?..

Люська (*победоносно*). Это тиф, вот что это такое.

де Бризар. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты

красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо.

Голубков. Серафима Владимировна, надо ехать...

де Бризар. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!

де Бризар (*глянул на браслет-часы*). Пора! (*Выбегает.*)

Послышалась его команда: «Садись!» – потом топот.

Люська. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

Крапилин. Слушаюсь! (*Вместе с Голубковым поднимают Серафиму, ведут под руки.*)

Люська. В двуколку ее!

Уходят.

Чарнота (*один, допивает коньяк, смотрит на часы*). Пора.

Игумен (*вырастает из люка*). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (*Исчезает.*)

Послышался его крик: «Садись! Садись!» – потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

Паисий. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

Игумен. А где ж владыко?

Паисий. Ускакал, ускакал в двуколке!

Игумен. Пастырь, пастырь недостойный!.. Покинувший овцы своя! *(Кричит глухо в подземелье.)* Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...». Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

Сон второй

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

*Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отдѣление оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят **белыми штабными офицерами**. Большинство из них в бахилках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют*

нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съевшись на высоком табурете, сидит **Роман Валерьянович Хлудов**. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варезки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морищится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится.

Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьянович. Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в

Хлудова есаул Голован.

Хлудов (*диктует Головану*). «...Запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелаю. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов. Точка».

Голован (*передает написанное кому-то*). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (*осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон*). Да, слушаю... слушаю... Буденный?.. Буденный?..

Второй штабной (*стонет в телефон*). Таганаш... Таганаш...

Третий штабной (*стонет в телефон*). Нет, на Карпову балку...

Голован (*осветившись сигналом, подает Хлудову трубку*). Ваше превосходительство...

Хлудов (*в трубку*). Да. Да. Да. Нет. Да. (*Возвращает трубку Головану*.) Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант (*мертвым голосом*). Начальник станции, ва-

ше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Комендант (*бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом*). Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд парализмом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может. (*Звонит.*)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контрразведывательное». На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

Хлудов (*обращается к нему*). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Хлудов (*яростно*). Печка с угаром, что ли?

Голован. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает Комендант, а за ним Начальник станции.

Хлудов (*Начальнику станции*). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! (*Кому-то в сторону.*) Залить печ-

ку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов (*Начальнику станции*). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, – верьте Богу! – и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую... У меня дети...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (*Укоризненно, Тихому.*) Меня не любят. (*Сухо.*) Дать сапер. Толкать, сортировать. Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медленный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Начальник станции (*вяло*). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет Начальника станции под руку и уводит. За ними – Комендант.

Хлудов. Вальс?

Голован. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Начальник станции (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христофор Федорович! Христом-Богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Николаевна (*появилась возле Начальника станции*). Что такое, Вася, что?

Начальник станции. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Николаевна. Ольку? Ольку? (*Исчезает.*)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (*Указывает куда-то вдаль.*) Что же это вы делаете? (*Внезапно снимает папаху.*) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Хлудов. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Чарнота. Слушаю. (*Отходит.*)

Люська. Куда?

Чарнота (*тускло*). На Карпову балку.

Люська. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную.

Чарнота (*тускло*). Можешь погибнуть.

Люська. Ну и слава Богу! (*Уходит с Чарнотой.*)

Послышалось лязганье, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Николаевна врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.

Николаевна. Вот она, Олька, вот она!

Начальник станции (*в телефон*). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (*Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.*)

За ним – Тихий и Комендант.

Хлудов (*Начальнику станции*). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Начальник станции. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник станции. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Хлудов. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (*Достает из кармана карамель.*) Девочка, на! Курить доктора

запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Начальник станции. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... *(Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)*

*Опять послышался вальс и стал удаляться. Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит **Парамон Ильич Корзухин**. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.*

Хлудов. Я слушаю.

Корзухин *(Хлудову)*. Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

Хлудов. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.